КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 10

МОСКВА, МАРТ 1927 г.

Цена 15 коп.

ЗАДАЧА НА ДЮЙМЫ

Рис. Ю. Ганфа

ЧТО СКАЗАЛ АМЕРИКАНСКИЙ МИНИСТР ТРУДА ДЭВИС:—„Если бы убедить каждого из 400 миллионов китайцев прибавить один дюйм к полам платья, наши текстильные фабрики работали бы все 12 месяцев года“.

И ЧЕГО ОН НЕ ДОГОВОРИЛ:—„Но, джентльмены, для того, чтобы получить один этот дюйм, потребуются орудия в 16 дю[illegible]!!

Рис. К. Елисеева

О ПОЛЬЗЕ НАРПИТА

Граждане, которые регулярно кушают в нарпитовской столовой.

Граждане, которые обедают в той же столовой менее регулярно.

ПРИМЕЧАНИЕ: За то, что первые трое кушают как следует, мы ручаемся, ибо это: зав столовой, кладовщик и повариха.

НЕОЦЕНИМЫЙ

Рабкору Шарикову за последнее время особенно не везло. Не успевал он написать заметку о том, скажем, что крыша протекает в слесарной мастерской,—бац, через два дня, еще до появления заметки в газете, крыша починена. И приходилось вдогонку заметки спешно посылать в редакцию второе письмо, чтобы не печатали. Или вот написал, что два котла на заводском дворе под открытым небом ржавеют и мокнут. Думал, пока перевезут котлы пока найдут для них помещение,—долго протянется. И что же, на следующее утро глядит—котлов уже нет. Накрыты брезентом и стоят в сарае. Чорт возьми! И опять пришлось в редакцию писать, чтобы не печатали.

Уже три месяца продолжалась эта канитель. Три месяца всякий раз в конце корреспонденции Шариков приписывал:

— Скорее пустите эту заметку, а то еще, чего доброго, администрация догадается и сделает, как надо!

И все-таки—заметки опаздывали.

Даже такой случай вышел. Написал он заметку:

„УЙМИТЕ БАБНИКА. У мастера Стервоедова разгорелся зуб на конторщицу Цыпленкову и пишет ей записки анонимные; приходи ко мне, я сегодня буду дежурить, а то пойдем в кино и т. д“.

А через три дня этот чорт, Стервоедов, зарегистрировался с Цыпленковой в ЗАГС'е. После этого и пиши! Хоть бы в церкви венчались. Можно было б закатить »Отрыжки старого быта«. Такая неудача!

Скучный ходит Шариков и на всех смотрит, как на врагов. И в самом деле досадно: на других заводах, читаешь, и зарплату задерживают, и прогулы, и директор пьяный. А тут не успел написать—исправили. И гони восемь копеек. А восемь и восемь—шестнадцать. А за какой-нибудь месяц—и все два рубля лягут. А доходы—одни неприятности!

Но рабкор Шариков был не из таких, чтобы падать духом. Рабкор Шариков был упрям и энергичен и, пригрозив неизвестно кому, — «Посмотрим, кто кого! Еще потягаемся!»,—он в день стал посылать по две и три заметки.

— Чорт с ними, с марками! А я своего всетаки добьюсь!

И летели в редакцию синие конверты с заметками о неправильных сокращениях и невыдаче спецодежды, об отсутствии нужных инструментов и лишних служащих в конторе. А на следующий день вдогонку этим заметкам летели другие, что спецодежду выдали, инструменты доставлены, лишние служащие сокращены.

С удвоенной энергией Шариков писал для того, чтобы на следующий день сообщить в редакцию, чтоб не печатали. И однажды, когда он написал о том, что в баках отсутствует кипяченая вода, и эта заметка была напечатана, его вызвал управляющий заводом и спросил:

— Товарищ Шариков, зачем вы написали неправду. ведь у нас кипяченая вода в баках всегда имелась и имеется?

Шариков молчал. Это. действительно, была неправда.

— Вот видите,—продолжал управляющий,— мы, администрация, могли бы вас привлечь за клевету, но я этого не сделаю, идите и продолжайте писать.

И когда он ушел, сидевший тут же приятель управляющего, тоже управляющий, только другого завода, спросил:

— Не понимаю, почему такая мягкотелость. От клеветы в печати отучивать надо...

— Да, но этот рабкор—ответил Новиков,— очень ценен для нашего завода. Почти каждый день в отсылаемой почте на станцию есть его конверт в редакцию. И я с особым вниманием прочитываю вложенное в этот конверт, и спешу немедленно исправить описанный им недостаток на нашем предприятии. Такой рабкор для нас слишком ценен, чтоб его предавать суду.

Приятель управляющего, тоже управляющий, только другого завода, заметил:

— Это замечательная идея, надо будет провести его в жизнь и у нас, на заводе.

Б. Левин.

СМЕТЛИВЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Рис. И. М.

— Однако что-то много у меня в представительстве сотрудников. По нынешним временам это прямо неуважение к режиму экономии. Да и обстановка роскошная, мелкобуржуазная, зеркала висят дорогие. Надо все это сократить наполовину.

И сметливый представитель, действительно, навел экономию: зеркала отправил к себе на квартиру...

...А с устранением зеркал в конторе представительства и число сотрудников уменьшилось как будто вдвое.

СЛУЖЕБНЫЙ ВЕСТНИК

Скромность, как известно,—лучшее украшение человека, но кроме скромности, красный регистратор Скрепкин был еще украшен голубым галстуком под цвет своих небесных глаз.

Сидел Скрепкин за маленьким столиком и вписывал в регистрационную книгу конспекты заводских отношений. Знал же Скрепкин значительно больше того, что его разряду положено было знать, потому что Скрепкин—не просто человек и не просто—красный регистратор, а устное издание «Служебного вестника» при конторе красного завода «Соединяйтесь!».

Скрепкин знал — сколько будет отчислено в фонд советской металлургии с заведующей чаями Даши за просыпанные чаинки. Знал Скрепкин—на которой кляксе оборвется канцелярская карьера письмоводителя Абрамова. Знал—которая по очереди машинистка получит двойной оклад за сверхурочное внимание к управделу заводоуправления. Но тщательнее всего следил Скрепкин за сферическими колебаниями в директорском кабинете. Линия служебной жизни директора была вся у Скрепкина на ладони.

Ноздрями ли все чуял Скрепкин? Краешком ли уха схватывал? Кончиками ли пальцев ловил информацию? Но каждодневно оповещал он о новейших обстоятельствах рассыльного заводоуправления—Козленку.

— Заметил ты, каков нынче Андрей Андреич?
— А что?
— Ушки у него красные... с чего бы им быть красными?
— Может, с морозу?
— Может, и с морозу... морозы тоже разные бывают... иной раз в тресте такого морозу нагонят!..

Козленко сейчас же с этой сенсацией—к Крепсу:
— Андрей-то Андреич доандреился. Нагоняй получил в тресте!

Крепс—Вишневскому:
— Гонят директора из треста. Тут тебе, говорят,—не завод!

Вишневский—Валентиновой:
— Андрейку-то с завода выгоняют...

И уже заведующая чаями, насторожившись, смекала:
— Скоро новому начальству будем кланяться. Наше дело маленькое. Который начальник—тому и кланяемся. Подать, что ли, «этому» чашку с отбитой ручкой? А вдруг останется? Нет, уж подам я ему в щербатом стакане. Ни туда, ни сюда. На всякий случай!

На другой день, однако, директор Андрей Андреич мирно покоился в своем кресле.

Скрепкин сообщал Козленке:

— На день—два «временно» у Андрея обошлось!

Козленко передавал дальше:

— Временно восстановили... Остался...

... И протирала теперь старательно заведующая чаями новый граненый стакан, цедила Даша из чайника густую заварку. С чувством говорила:

— Андрей наш Андреич, директор, дай им господь здоровья, жидкого чаю не потребляют, а уважают они чай крепкий—двойной заварки!

И выстукивала мечтательная машинистка Ветрова на заводском бланке:

«От симпатии горю я вся,
Андрей Андреич—дуся».

Новый день приходил.

Скрепкин новое прорицал:

— Накладут нашему директору за накладные расходики. Сам Сосновский про Андрейку сочинение пишет!!.

Козленко об этом—Крепсу. Крепс—Вишневскому. Вишневский—Валентиновой.

И так изо дня в день висел на волоске директор красного завода «Соединяйтесь!».

Не догадывался даже Андрей Андреич о том, что на волосочке висит; сорвался же не с волоска, а со службы—сам прорицатель Скрепкин. Сократили красного регистратора. Вписали регистратора в исходящую. Конечно, вместо одного сокращенного, как водится, незамедлительно прибыло на службу утроенное пополнение: зав. регистрационной книгой Моабитов, его заместитель по расстановке в книге порядковых цифр Штанько и третий—товарищ Заузе—красный специалист по смачиванию слюной новых перьев...

И не угас служебный вестник с переходом Скрепкина в красные безработные. За устное издание вестника ретиво принялся ближайший соратник Скрепкина, еще почему-то несокращенный рассыльный Козленко.

Л. Митницкий.

Х Л Е Б О С О Л Ь С Т В О

Рис. Ив. Малютина

ЗАВ. СТОЛОВОЙ:—Я уж и не знаю, чего вам еще надо! И так вас каждый раз встречаю, можно сказать, хлебом-солью
РАБКОР:—Вот именно, что хлебом с солью! А не худо было бы бараниной встретить!

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ ПТИЧКА

Рис. К. Елисеева

— Ты что, с ума сошла? Вьешь гнездо в новом доме? Разве он выдержит такую тяжесть?

КУЛЬТРАБОТНИЧКИ

— Из губотдела? — засуетился завклубом,— пожалте, товарищ. Культработой интересуетесь? Очень приятно. Работа, не хвалясь, скажу, у *нас* на ять. Впрочем, сами увидите. Вот, например, шахматный кружок...

Он распахнул дверь и сделал приглашающий жест. В тесной, накуренной комнатушке сидели, уткнувшись в шахматные доски, молчаливые группы игроков.

— Видали? — самодовольно подмигнул гостю завклубом. — Гимнастика ума, так сказать, и от пьянства отвлекает.

В этот момент один из игроков тряхнул головой и торжествующе пробасил:

— Мат! Баста! Вторая дюжина за тобой. Сматывай, Ваня, удочки, потопали в пивную.

— Да постойте, черти,—послышались недовольные голоса, — нас подождите. У нас партии не кончены. Кто же за пиво платить будет?

Завклубом ухватил гостя за рукав пиджака и, оттаскивая его в коридор, зачастил:

— Это, товарищ, шахматисты. Гимнастика ума, так сказать. А вот я вам сейчас футболистов покажу. Золото, а не парни. Товарищ Жабкин, иди-ка сюда.

Из коридора вынырнула плотная фигура в кожаной тужурке.

— Наш лучший игрок в команде, — засиял завклубом. — Да и команда у нас лихая. Недавно играли с текстильщиками — вдребезги. С пищевиками — в доску. Голов этих им до чорта забили.

— Ну, уж и до чорта,—сконфузился футболист. — Скажешь тоже... Текстильщикам-то всего три головы разбили. Вот пищевиков, действительно, здорово покрыли. Карету скорой помощи вызывали.

— Здорово,—пробормотал озадаченно представитель губотдела. — Ну, а как у вас с просветительной работой?

— Это вы про что?—не понял завклубом.— Ах, да! Были, действительно, у нас музыкальный, драматический и кружок политграмоты. Да склока с ними одна получилась. Помещение у нас не ахти, и стенки тонкие. Начнут музыканты заниматься, стараются, дуют во всю, а драмкружок жалуется—роли, дескать, разыгрывать им мешают. А потом из кружка политграмоты жалуются на музыкантов и на драматических. Ну, тут наш зав. культотделом и говорит: «Буза одна из ваших кружков. Плюньте на это грязное дело. Устроим лучше спортивные». Ну, и устроили. Сам заведующий очень даже спортом увлекается. Вчера ездил на лыжах и даже ногу сломал. Лежит, сердяга...

Слова завклубом были вдруг заглушены отчаянной бранью и шумом. Из глубины коридора вывалилась группа суб'ектов с повязанными белыми бинтами головами и разукрашенными кровоподтеками, царапинами и синяками физиономиями.

— Ай, батюшки,—в ужасе схватился за голову завклубом. — Вырвались, дьяволы. Это, которые в кружке по боксу. Матч вчера был, а народ у нас горячий. После матча мы их заперли, думали,—пускай охладится их пыл. А они, видать, дверь сломали. Пойдемте, товарищ, помогите их задержать. А то они вгорячах на улице бузу затрут.

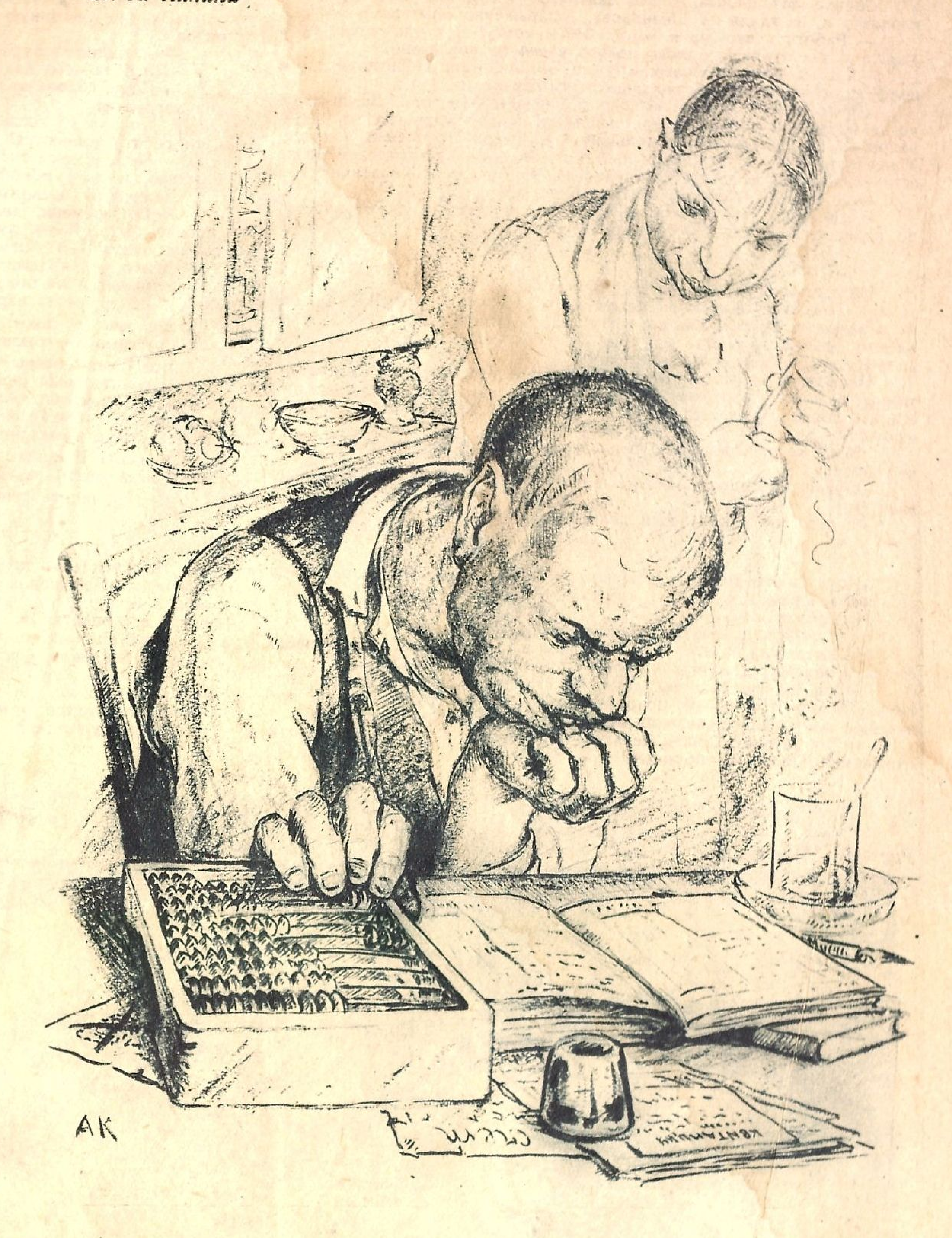
Но представитель губотдела молча, бочком, ускользнул от него в глубину коридора и, заикаясь, спросил встречного сторожа:

— Товарищ... скажите, пожалуйста... где у вас другой выход?

Н. А. Карпов.

УПРАВДОМОВСКИЙ БАЛАНС

Рис. А. Кикина

— Что ты все мучаешься? Пятый час на счетах щелкаешь!

— Беда! Ошибки не могу никак найти! Сколько ни считаю — все приход с расходом сходятся.

АРХИВ КРОКОДИЛА

«ПЕРЕХВАТ-ЗАЛИХВАТСКИЙ»

В щедринской «Истории города Глупова» один из градоначальников, майор Перехват-Залихватский, в'ехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки. Теперь, оказывается, пензенским ГСНХ заведует тоже не менее просвещенный человек, некий тов. Поцелуев. О высоких умственных качествах Поцелуева свидетельствует один из поцелуевских циркуляров от 23 ноября 1926 года за № 5312, в котором написано буквально следующее:

ГСНХ считал бы ненормальным, чтобы на вечерних курсах при заводе рабочий, уже закончивший трудовую школу I-ой ступени, получал дополнительное образование такого характера, чтобы оно содействовало его усовершенствованию в своей специальности.

В отношении же гуманитарных наук следует полагать, что они гутейщику или гранильщику нужны не в большей степени, чем землепашцу, что их дает в достаточной степени школа I-ой ступени, и поэтому нет надобности вводить эти предметы в программу вечерних курсов, ослабляя преподавание предметов, действительно необходимых рабочему.

Можно подумать, что это, действительно, писал барин «доброго старого времени», допускающий просвещение «черни» до известных пределов. Впрочем, тов. Поцелуев за барина сойти может: проживая в Москве в командировках в общем месяцев пять, он обзавелся здесь постоянным номером в гостинице, имеет в своем распоряжении дежурный автомобиль, а у себя дома—«в провинции» он соглашается жить только в пяти комнатах. Кстати, не тот ли это тов. Поцелуев, который был в 1918 г. приговорен к расстрелу за бесчинства в гор. Алатыре, а затем помилован с запрещением занимать ответственные должности?

О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ

Любимое словечко в правлении Борского общества потребителей, Нижегородской губернии, это—«отношение». В протоколе № 13 буквально написано следующее:

Слушали: Отношение Бор. ВИК'а от 4 января 27 г. за № 8 в отношении пожарного отношения помещения, принадлежащего о/п.

Бывает еще, как говорится, и «отношение» кооперативных продуктов из лавки к себе на дом. Поменьше бы, товарищи, всяких «отношений»!

ВАЛЕНКИ

Словно заведенный, бегал завкультотделом взад и вперед по кабинету и, не глядя на Шканикова, раздраженно брызгался слюною.

— Работа у вас—ни к черту! Ни к черту! Вот уже месяц прошел, а у вас что? Ни одного нового члена не вовлечено!

— Но я же два новых кружка организовал! Политграмоты и профдвижения! — попробовал защититься Шкаников.

— Что «профдвижения»?! Профдвижение — чепуха! Да, чепуха, когда в кружке всего полтора человека! А вот в других клубах,— например, у товарища Колокольчиковой,—двери от членов ломятся! У нее хоть, что ли, поучились бы! И потом...—Завкультотделом резко остановился, словно завод его кончился.—Что это на вас, валенки?

— А что? — растерялся Шкаников.

— Да так... Бытие, говорят... и все прочее!—и снова забегал по кабинету.—Прощайте, товарищ Шкаников!..

*

На лестнице Колокольчикова встретилась.

— Товарищ Шкаников! Здравствуйте! Но что я вижу?! Вы... вы... вы в валенках никак?! Как же у вас теперь культработа идет? — удивленно прощебетала она на ходу и, не ожидая ответа, впорхнула в губотдельскую дверь.

Шкаников некоторое время озадаченно рассматривал свои стоптанные валенки. Потом, оглядевшись по сторонам, стащил один из них с ноги, долго и внимательно ощупывал его со всех сторон, даже понюхал.

«Валенок, как валенок,—сделал он, наконец, заключение,—каши не просит!».

Другой обследовал—тоже добротный: на пятке не просвечивает еще.

«И чего им мои валенки дались?».

*

«Поучусь уму-разуму у опытных людей!»—думал Шкаников, входя тем же вечером в клуб, где работала Колокольчикова.

Наперерез ему дежурный:

— В валенках нельзя, товарищ!

Не выдержал на этот раз Шкаников и целым американским небоскребом обложил дежурного. Потом спохватился.

— Уж ты прости меня, друг! Не стерпел я, знаешь! И без того накипело вот тут-то,—он покрутил рукой перед грудью,—а ты про валенки опять! Предправления бы мне... товарища Колокольчикову!

— До антракта никак нельзя — не любит, когда ее от работы отрывают! Обождать придется!

— Что ж, подожду, — смирился Шкаников, — дело прежде всего!

Мимо дежурного кучками и в одиночку торопливо проходили все новые и новые члены клуба.

«Эх, мне бы такую посещаемость!»—мечтательно вздохнул Шкаников.

— А, видно, здорово у вас работа идет?—спросил он дежурного.

— Работа—что надо! По горло работы!

— Поди, голова потом трещит у вас, у сердешных, после такой-то вот нагрузки?

— Это только когда пиво в буфете бывает! А то все больше на ноги ребята жалуются!

— Чего ж ноги-то?! Чудаки! Вот и носили бы валенки—и тепло, и мягко, и ноге покойно!

Дежурный презрительно покосился на Шканикова:

— От времени, дядя, отстал! Томского с Семашкой не читал, должно быть! Я уж лучше тебе, дядя, председательницу правления сейчас позову!—и дежурный скрылся в соседнюю комнату.

Долго ждал Шкаников,—ни Колокольчиковой, ни дежурного. Сам отправился на поиски. В каждую комнату заглядывал,—а комнат много,—везде хоть шаром покати.

«Эх, мне бы такое помещение,—вздохнул Шкаников,—еще б кружков наоткрывал,—грызите, мол, ребятки, гранит науки!».

Еще дверь открыл,—как разинул рот, так с разинутым и замер: под оглушительный рев оркестра, в густых облаках пыли, толкались в танце бесконечные пары; в передней паре—сама Колокольчикова, вспотевшая, запыхавшаяся; дежурный, прицепившись к талии какой-то девицы, тоже вальсировал по залу.

Увидала Шканикова председательница и, продолжая с усердием выделывать па, крикнула ему:

— Ну, видите теперь,—разве ж можно... в валенках?!.

*

На другой же день Шкаников срочно ликвидировал в своем клубе кружок профдвижения и в его помещении открыл танцовальный кружок, а вечером уже давал грандиозный бал, с пивом, фантами, конфетти и серпантином.

Клуб был набит до-отказа.

Именинником чувствовал себя Шкаников.

И только одно надоедливой блохой все время беспокоило его: ни у кого не мог он узнать: в каком же все-таки томе Маркса или Ленина говорится о непригодности валенок для строительства пролетарской культуры?

Ал. Кречетов-Волжский.

К РАБОТАМ ПРИСТУПЛЕНО

Рис. Ив. Малютина

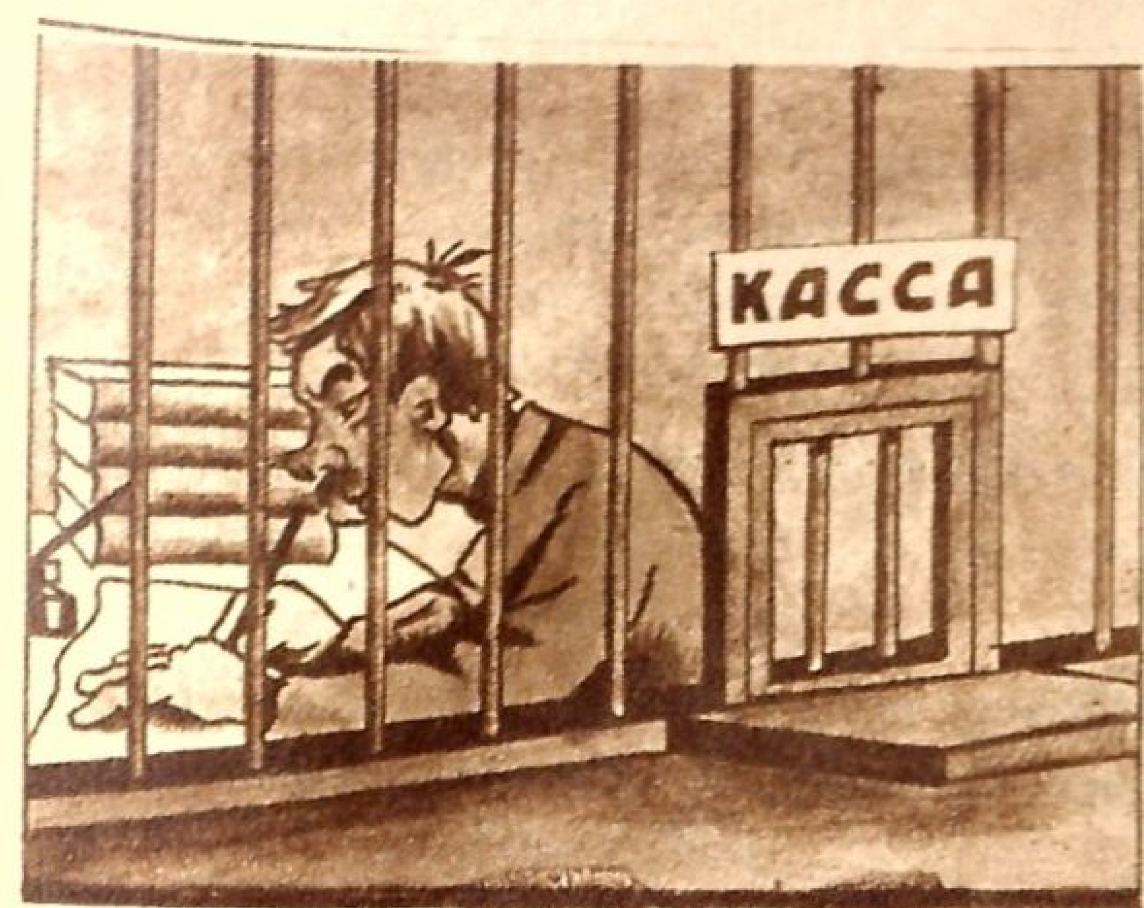

— Ну как, приступаете к работе? Материал собрали?
— Да!.. Материал собирается... прокурором!

РИСУНКИ НА КОНКУРС

ГОРЬКОЕ СХОДСТВО

Рис. Г. Станиславского (Н. Новгород)

1) Он сидел за решеткой...

2) При допросе он доказывал свою невиновность...

3) И его посадили опять... за решетку...

СТРАШНАЯ УГРОЗА

Рис. Б. Хусид (14 лет)

ОКТЯБРЕНОК: — Ты, гражданин, не трать казенные деньги, а то я тебя протащу в «Мурзилкиной Газете».

НЕ ДОТЯНУЛ

Рис. Лыткина-Савельева (Богородск)

— Эх, денег не хватило до конца нагрузиться. Пожалуй, не удастся получить пособие из страхкассы по болезни. О тумбу, разве, удариться?..

„ПЕРЕВОД" ДЕНЕГ

Рис. С. Гершановича (Москва)

— От нашего представителя пришла телеграмма. Просит дополнительно перевести ему 500 рублей.

— Ну, что ж! Переведите эти деньги.

РАДОСТЬ В СЕМЕЙСТВЕ

Рис. К. Елисеева

МАТЬ: — Смотри, Степан,—Васятка-то — ходит! ходит
ОТЕЦ: — Хо-одит? А ну-ка, пошли его за пивом!

..самым популярным и распространенным сатирическим журналом, выходящим еженедельно уже в течение пяти лет, является „Крокодил“.

В журнале сотрудничают лучшие литературные и художественные сатирические силы.

Журнал печатается на усовершенствованных машинах для художественной печати „ОФФСЕТ“.

Внутренние 4 страницы журнала печатаются по способу меццо-тинто (глубокая печать).

Подписная цена в месяц — **55** коп.
Отдельный номер стоит — **15** коп.

Продается „Крокодил“ во всех киосках, у газетчиков и на станциях железных дорог.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Писатель Иван Заводов с раннего утра ходил по общежитию фабрики «Наша Победа».

Человек неискушенный и мало проницательный, увидавши длинную, развинченную фигуру, мотающуюся по коридорам общежития, мог бы, пожалуй, принять Заводова за случайного праздношатая или заблудившегося бездельника.

Но достаточно было поомотреть на торжественную важность небритого заводского лица, на озабоченно сдвинутые брови и на толстую записную книжку в руке, чтобы понять свою ошибку.

Заводов пришел искать и изучать своего читателя.... Вчера на литературном диспуте, потрясая костлявым кулаком, Заводов громил своих противников:

— Вы — пишете для маленькой кучки людей! Вы — оторвались от масс! Вас хвалят — да! Но кто вас хвалит? Газетные писаки, такие же интеллигенты, как вы! Да? А мы пишем для широких масс, нас знают и читают те, кто о вас и слухом не слыхал! Вы пишете — и не знаете, для кого вы пишете!

— А вы-то знаете, для кого вы пишете? — ехидно опросили Заводова.

— Мы пишем для масс! — Заводов широко размахнул руками. — Для широких масс!

— А читают ли вас эти массы? Знаете ли вы, что им нужно? — снова прозвучал ехидный голос.

— Знаем! — ответил Заводов. — И нас знают! Будьте покойны!

Но сойдя с эстрады, он вдруг забеспокоился. Где-то глубоко внутри вдруг закопошился червячок сомнения:

— Чорт возьми! В самом деле не мешало бы вплотную подойти к читателю, поговорить, расспросить... На завод, что ли, пойти... А то того и гляди — оторвешься. Года три, ведь, на заводе не был!

И на другой же день рано утром Иван Заводов появился в общежитии «Нашей Победы».

***

С самого же начала Заводов был несколько разочарован.

Комендант общежития, которому он назвал себя, не проявил никаких признаков восторга и преклонения.

— Я — Иван Заводов!

— А я — Степан Петров! В чем дело, товарищ?

— Вы, наверно, не расслышали. Я говорю, что я — Иван Заводов! Писатель Иван Заводов!

— Понимаю. А я — комендант общежития, Степан Петров. И русским языком вас спрашиваю, что вам угодно?

Заводов смутился и покраснел, но быстро оправился.

— Скажите, вы читали роман — «Шестерня»?

— Нет.

— А «О чем поют гудки»? Тоже не читали?

— Тоже не читал... Да вы что? С подпиской, что ли, с какой? Так идите в завком. А то у нас тут одно время один за другим повадились: то на газету подписывают, то на журнал, то на полное собрание. Надоели хуже горькой редьки! Ступайте в завком, только заранее скажу — ничего не выйдет!

Заводов надулся:

— Товарищ! Вы меня не понимаете! Я — писатель. И никакую подписку не... не навязываю!

— А по какому же вы делу?

— Я... Я писатель! И, как писатель, я хочу ознакомиться с тем, как вы живете... Чем интересуетесь... И вообще... Понимаете?

— Так вы от газеты, что-ли? У нас уже были тут. И про духоту писали, и про уборные, и про лестницу... Про все! Да у нас и свои рабкоры есть. Так напишут, что ни одному писателю не написать! А впрочем, если хотите...

И комендант зевнул широко и скучно.

— Если вы хотите, я вас проведу. Посмотрите. Может что и найдете.

Заводов гордо выпятил грудь и поправил волосы.

— Вот что, товарищ! Я вижу, что вы меня не понимаете. Но это все равно. Я только прошу у вас разрешения пройти по общежитию и заглянуть, куда мне захочется. Больше ничего. Вы можете со мной не ходить. Я даже прошу, чтобы вы не ходили.

— Ну-к, что-ж — ступайте. Тут у нас две палаты — общие. Да тридцать две комнаты. Палаты — наверху, а комнаты — внизу. Ступайте.

И Заводов пошел.

Время было рабочее, и в комнатках оставались только женщины и дети. Женщины везде были заняты хозяйством — варили, стирали, гладили. А дети — кричали.

Заводов заглянул в две-три комнаты, был встречен изумленными и неприязненными взглядами хозяек — и понял, что он пришел не во время. Никому не было до него никакого дела.

Огорченный, он уже совсем было собирался уходить, как вдруг заметил, что в одной из комнаток открыта дверь, на постели лежит рабочий, очевидно, больной и читает какую-то книгу.

Заводов быстро вошел и представился.

Рабочий отложил книгу в сторону и предложил Заводову сесть. Заводов сел и мельком взглянул на книгу: «Война и мир» — Толстого.

Вначале разговор не клеился. Но потом рабочий разговорился.

— Так вы, значит, писатель?

— Да.

— Так, так... А скажите, как оно... трудно писать?

— Да... как вам сказать... Когда как!

— Ну, а вот, например, большой такой роман, вроде «Войны и мира» — долго его писать?

— Трудно, право, сказать... Зависит от писателя...

— Те-екс... Ну, а, вообще, вот написали вы что-нибудь — вы что же в журнал несете? Или куда?

Заводов почувствовал страшную скуку. Рабочий расспрашивал его о его писательстве и ни слова не говорил о себе и о том, что он любит читать.

— Ну, а как вот стихи — трудно писать?

— Не знаю. Я не пишу стихов.

— Да что вы! Ну, а вот Пушкин, например... Как вы думаете?..

Заводов не выдержал:

— Да что вы меня все про мое писательство спрашиваете? Давайте о чем-нибудь другом поговорим. Вы читали мою «Шестерню»? Понравилось вам?

Рабочий улыбнулся:

— Я вам вашими же словами отвечу. Что вы мне все про мой завод да про мою работу пишете? Давайте о чем-нибудь другом поговорим...

***

Выходя из общежития, Заводов уже не чувствовал себя гигантом, с громовым голосом, которого слушают миллионы рабочих-читателей и почитателей.

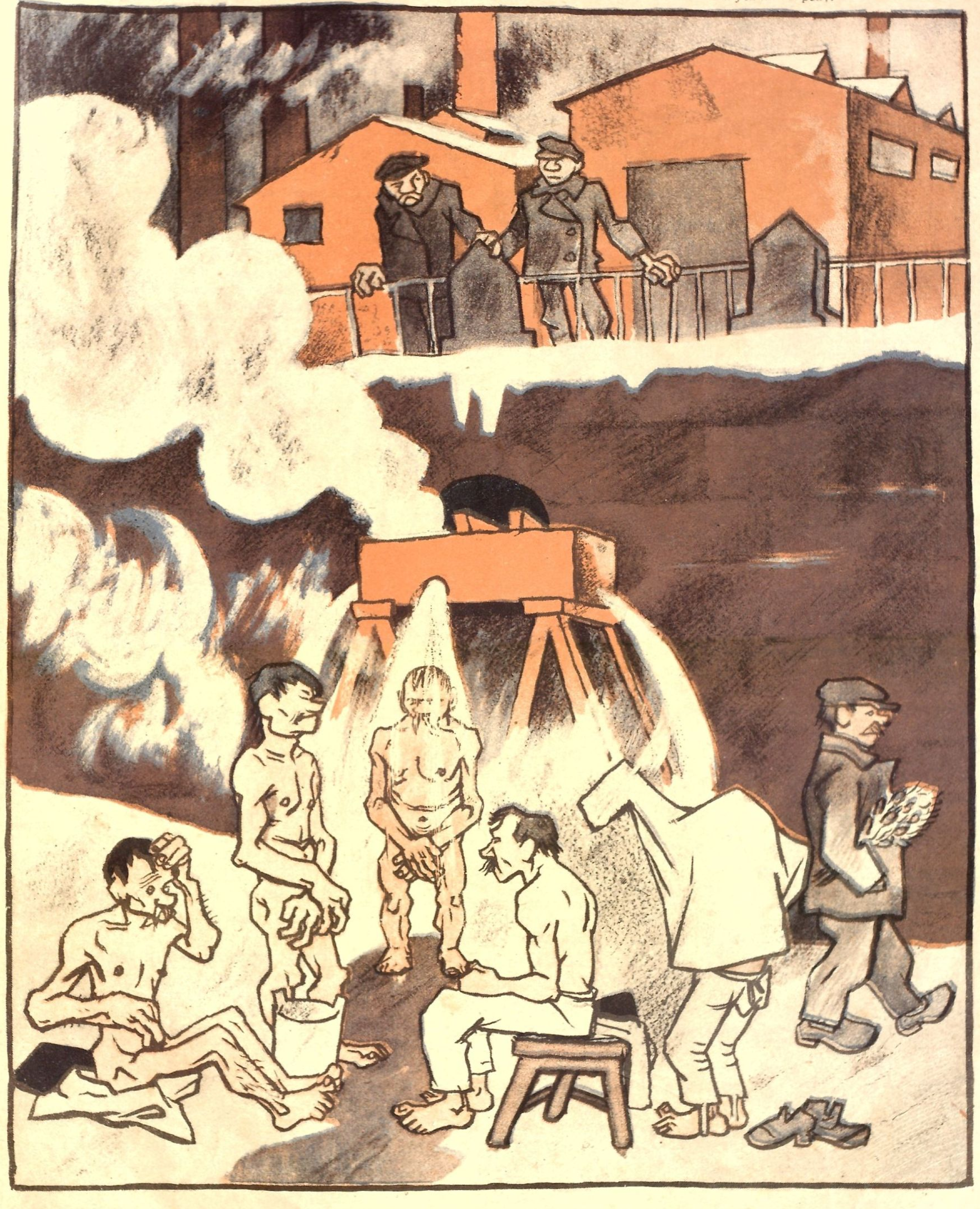
Он чувствовал себя маленьким, робким и, главное, никому, никому ненужным в этом огромном каменном муравейнике-общежитии.

Вас. Лебедев-Кумач.

НУЖНА БАНЯ

Рис. Ив. Малютина

Многие заводы не использовывают теплую воду, которую в изобилии спускают в реку.

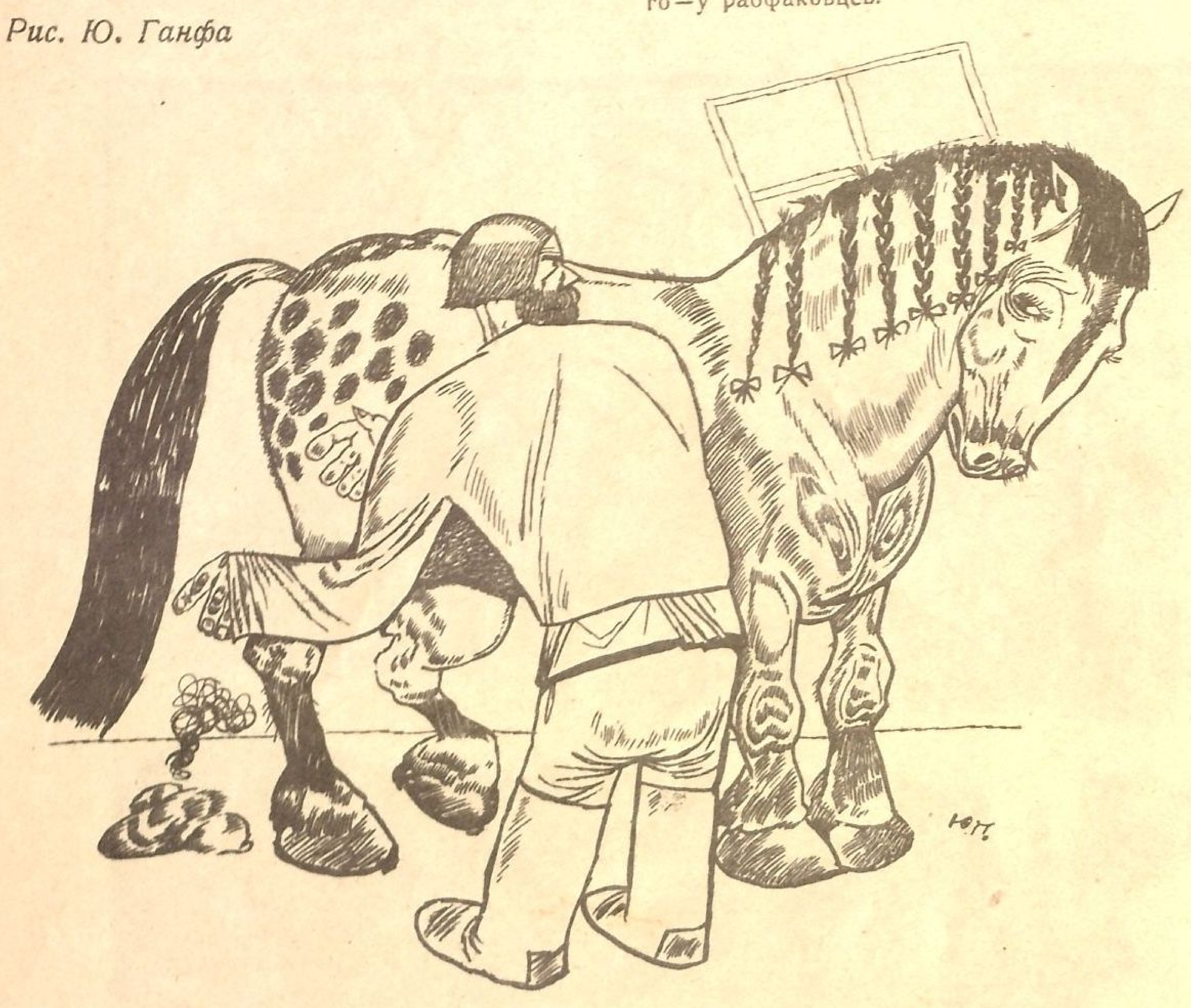

— Эх! Сколько теплой воды зря пропадает! Хоть бы баню нам сделали!
— Сперва надо баню задать нашей администрации, а тогда и у нас баня будет!

ЛОШАДИНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

При обследовании общежитий выяснилось, что чище всего—у ломовых извозчиков, а хуже всего—у рабфаковцев.

Рис. Ю. Ганфа

ИЗВОЗЧИК:—Ты, Серко, не вузовец, а конюшня тебе—не вузовское общежитие! И поэтому веди себя как следует! А ты что наделал?

«КРЕПКАЯ» ЭКОНОМИЯ

Кооперация встает иногда слишком яростно на защиту мужской части населения!

Правление ЦРК в городе Павлове закрыло, из соображений «режима экономии», магазин санитарии и гигиены «Уголок матери и ребенка», который пользовался симпатиями населения: на его месте правление открыло винную лавку.

В самом деле, поведение правления, по меньшей мере, непонятно! Ведь, уголков для взрослых мужчин, вроде винной лавки, сколько угодно, а для матерей и ребят был всего один!

ВИЛЫ В БОК

ВОТ О.Н.О. УЧИТЕЛЬСКОЕ ЖИТЬЕ

Из селения Сатты, Шатовского округа, пишут:

«Вот уже февраль месяц, а учителя школ не получили зарплату еще за январь. В школах нет ни ведра, ни кружки. Целыми неделями занятия не производятся из-за отсутствия дров».

А говорят еще,—век живи, век учись. При саттовских условиях, пожалуй, не только что век, но и года не проживешь!

ВОПРОСЫ С ЗАПЯТЫМИ

Сообщают такой факт с фабрики «Заря Социализма», Ярославской губернии:

«Повестка дня технического совещания, назначенного дирекцией нашей фабрики, состояла из 34-х вопросов».

Какая же это «повестка дня»? Это—повестка недели!

НЕ ТОМУ БОГУ СЛУЖИТ

Вот два факта, тесно связанные друг с другом:

Зав. магазином Севкавсельсклада в Пятигорске, Передельский, постоянно кричит на служащих: «Выгоню вон в 24 часа!».

Факт второй: предместкома того же предприятия, тов. Никитюк, расписался на подписном листе на поддержание благолепия церкви.

Грешен, очевидно, тов. Никитюк по профсоюзной линии и хочет замолить свои грехи! Заблуждение это, товарищ, и опиум! Рекомендуем вам поддерживать другое благолепие, а именно, профсоюзное, отнюдь не допуская, чтобы администрация позволяла себе хамить с сотрудниками!

ДЕЛОВОЙ НАРОД

Из газеты «Советская Сибирь» № 20 (2161):

«Семипалатинск. Губземотдел в этом году усиливает работу по казакизации милиции, до сих пор в этом отношении было крайне неудовлетворительно».

Читатель «Советской Сибири» в недоумении и спрашивает нас:

— Дело ли Губзу казакизировать милицию?

Это дело не Губзу, а рук репортера «Советской Сибири». А, как известно, репортер в любое дело может вмешать кого угодно, кроме редактора той газеты, где он работает.

ЖЕНЩИНЕ — ДОРОГУ!

Фельдшер Евпраксинского промысла, Астраханской губернии, Салли, об'явил себя диктатором промысла и приказал уборщице школы ФЗУ, Кузнецовой, бесплатно стирать, его, фельдшерово, белье. А когда Кузнецова отказалась, Салли пишет:

Секретно. Зав. школой ФЗУ Захарову.

При осмотре уборщица школы ФЗУ Кузнецова больна триппером.

НЕ ПИЩЕВКУСНО

Пишут из г. Павлограда:

«На частной мельнице № 7/27 предзавкома т. Левченко, получив от рабочих членские взносы, не отправил их в окротделение союза пищевкус, а отдал арендатору для покупки зерно-хлеба. Ревизионная комиссия, обследовавшая деятельность завкома, этот случай не опротестовала...

Что ж ты скажешь на этот случай, дорогой «Крокодил»?

Скажу, что это типичный случай, когда завком и ревизионная комиссия льют воду на мельницу частного капитала.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

НУ, ЧТО ЗА СЧЕТЫ!

Центр иногда поучает неопытных провинциалов так:

Правлению С. К. С., Новосибирск.
Извещаем вас, что нами произведены следующие записи по вашему у нас счету:

Срок пров.	Содер. операц.	Ваш дебет	Наш кредит
20/X	Портфель, выданный по распоряжению Л. С. Стриковского неизвесгному лицу	50-00	

Московская контора С. К. С.

Для лиц, незнакомых с бухгалтерией, раз'ясняем, что запись в графе «ваш дебет» означает, что расход на подарок «неизвестному лицу» произведен за ваш счет, товарищи потребители!

ЖУТЬ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Безграмотность—не позор, а несчастье, но когда безграмотностью щеголяют среди бела дня общественные культработники, то получается и позор, и несчастье сразу вместе. Вот, например, какое отношение умудрилось выпустить Барнаульское Окружное Бюро профсоюзов от 5 июля 1926 года за № 948:

Уполномоченному Совкино по Алтайскому Округу.

Настоящим Кино-клуб Окрпрофсовета просит выписать кино-фильмы в сериях в виду ненастной погоды, которая ощущается на экономику клуба

Зав. К. О. СКУДРА.

Положение получается безвыходное — нельзя же, в самом деле, посадить за букварь самого заведующего культотделом. А оставить его в первобытном состоянии тоже неудобно—это «будет ощущаться не только на экономике», но и на просвещении. Надо найти какой-нибудь «выход» для т. Скудры. Мы не верим, чтобы в Окрпрофсовете не нашлось выхода. Раз есть «вход», должен быть и «выход». Без этого нельзя!

НЕРАЗБОРЧИВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Федоровский сельсовет, Славгородского округа, выдал одному гражданину такую справку:

Дана сия гр-ну временно проживающему исполняющему должность „попа“ урожденец города Пензы той же губернии Елинский Алексей Васильевич, как исполняющий свою службу священника в политическом отношении благонадежен вполне дажеявляется в культурно-просветительной работе для государства ССР человеком научным ведет борьбу из тьмы к свету. что и удостоверяется.

Председатель (подпись неразборчива)

Секретарь Чайка.

№ 494 от 25/III 26 г.

С таким мандатом жить бы человеку да жить, а он не выдержал и запьянствовал, о чем свидетельствует другой документ,—протокол омской милиции «о задержании пьяного священника Елинского». Видно, «вести борьбу из тьмы к свету» у нас, в самом деле, не легко!

СНЕГ

Некий ответственный работник в стремлении своем попасть во-время на заседание, но уже опаздывая, взял извозчика. На Мясницкой торопливый седок заерзал в санях и укоризненно сказал:

— Экии ты, братец, право...

На что извозчик ответил не меньшей укоризной:

— Помилуйте-с, нешто по такой дороге можно вскачь?!. По голым камням?! Овес-то почем ноне?

Цена овса на данный день торопливому работнику не была известна, и дискуссия не развивалась.

***

Под осуждающие взгляды собравшихся на заседание опоздавший работник сообщил:

— Да разве можно по таким дорогам добраться? Снег весь начисто смели, голая мостовая, извозчик не везет...

— Пожалуй, со счисткой снега переборщили!.. Ну, ладно, продолжаем.

И заседание продолжалось.

А на другой день присутствовавший на заседании репортер отметил очередные достижения, несмотря на ряд об'ективных препятствий, и написал небольшую, но едкую заметку об улицах Москвы, лишенных снега. Еще кто-то тиснул фельетон на эту же тему и...

***

Информбюро Откомхоза отчеркнуло красным карандашом заметку и фельетон и переслало их заву. Зав написал:

— Принять мры

и переслал в подотдел благоустройства. Отдел благоустройства немедленно создал комиссию «по оснежению городских улиц».

Дело было в январе.

***

Комиссия по оснежению городских улиц в течение каких-нибудь трех-четырех месяцев получила сведения: о площади городских мостовых от комхоза, о желательной плотности и вышине снегового покрова —от местрана, о весе кило снега указанной плотности—от геофизической лаборатории, о грузопод'емности авто- и гужетранспорта — от транспортного отдела комхоза, о приблизительной снегоемкости окрестных полей—от ЦСУ и много других, крайне важных для решения поставленного перед комиссией вопроса.

В июле на пленуме докладчик с цифрами в руках доказал, что при надлежащем использовании местного транспорта и залежей снега в ближайших к городу полях можно в двухнедельный срок создать на улицах снежный покров, отнюдь не уступающий по качеству довоенному и при том исключительно из советских материалов.

— Таким образом,—закончил докладчик,—не один миллион советских рублей останется здесь, внутри страны...

Комиссия приняла доклад, комхоз утвердил постановление комиссии и приступил к рассмотрению сметы. В сентябре смета была утверждена в плановом порядке, создан был особый подотдел отдела благоустройства, и работа закипела.

***

Выехавшие к «Кривой балке», как богатейшему месту нахождения снега, члены комиссии были крайне изумлены, увидев, что снега нет. Было немедленно созвано экстренное заседаниее, на котором смущенный докладчик обвинял во всем происшедшем ЦСУ и геофизическую лабораторию.

Заседание постановило отправить две экспедиции на поедмет определения возможности ввоза снега из полярных стран. Комхозом вопрос о посылке экспедиции рассматривался в ноябре, а в декабре был согласован, увязан и решен утвердительно.

***

Дворники скребли снег с улиц с энергней, обусловленной высоким штрафом за неочистку улиц. В виду больших метелей, на помощь дворникам двинулись артели безработных, и к январю улицы были от снега очищены окончательно. На это печальное явление совершенно случайно обратил внимание сам зав откомхозом, пытавшийся проехать на санях по одной из улиц. Возмущенный состоянием «санного пути», он предложил комиссии по оснежению улиц принять все меры к ускорению ее работ.

***

В мае экспедиции сообщили о найденных ими богатейших залежах снега и ходатайствовали об утверждении смет.

— Цены на снег, франко место погрузки, небывало низкие. Следует немедленно воспользоваться кон'юнктурой рынка, тем более, что имеется опасность таяния. Основной расход—на установку прессов для снега, ибо имеющийся в продаже рыхлый снег не отвечает требованиям плотности.

Деньги были отпущены, снег закуплен. Но разразилась катастрофа: по пути следования снег растаял, и в сентябре комиссия по оснежению поставила вопрос о назначении конкурса на проект по оснежению улиц.

***

В декабре об'явили конкурс. Видные инженеры и геофизики разрабатывали проекты.

Безработный металлист Климов был занят на общественных работах по очистке от снега городских улиц. Он сильно озяб и пошел греться. Взял «Рабочую Москву», хотел оторвать кусок и скрутить «козью ножку», когда увидел об'явление о конкурсе,— первая премия две тысячи рублей. Он прочитал, усмехнулся, сплюнул и пошел в комхоз.

— На конкурс?!—лениво спросила его девица из комхоза.

— Да, вот насчет снега... Рабочий я...

— Ах, рабочий изобретатель!!! Как хорошо! Как раз сейчас кампания!!! Давайте ваш проект...

— Какой же тут проект! Просто не счищать снег с улиц и все!!

— Ах, нет!..—разочарованно протянула девица:—нужны же чертежи!?

***

Читатель хочет узнать конец?!

И я тоже!!!

Вл. Павлов.

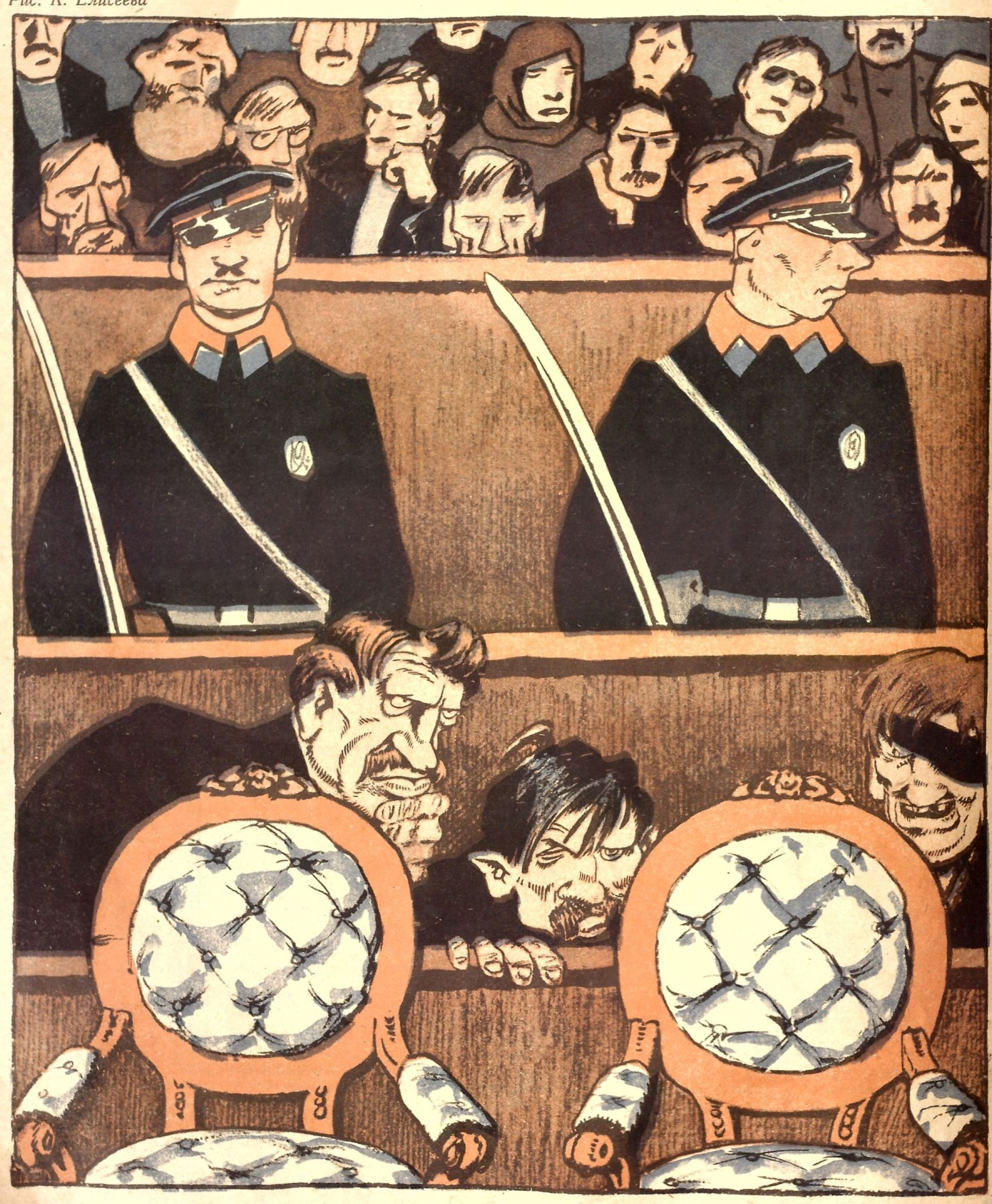
Издательство „Рабочей Газеты"—Москва, Тверская, 3.

И. О. ответственного редактора С. С. Смирнов.

Главлит № 79625. Типография «Рабочей Газеты». Сущевский вал, д. № 63. Тираж 175.000

КРЕСЛА ДЛЯ МЕБЕЛИ

Рис. К. Елисеева

ПОДСУДИМЫЕ:—А как ты думаешь: почему это перед нашей скамьей кресла стоят?
— А это, видишь-ли, вышел приказ,—отдавать бесхозяйственников под суд, не взирая на лица. Вот кресла и приготовили. Но пока на них только пыль садится.